

ЦѢНА

съ пересылкою

ЗА ГОДЪ

2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 4

1906.

Подписка принимается

въ Редакціи

ВОЛОГОДСКИХЪ

ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ

ВЪ ДОМОСТЕЙ

И ВЪ КАНЦЕЛЯРІИ

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Епископа

ВОЛОГОДСКАГО.

Да будетъ во всемъ воля Божія!

Кто теперь спокоенъ, кто не волнуется, не терзается сердцемъ? Рѣдко встрѣтишь благодушное лицо. Даже инья дѣти и тѣ похожи на взрослыхъ, потеряли чарующую прелесть, которая такъ манитъ, влечетъ тебя къ дѣтямъ. Юноши живутъ какъ въ горячкѣ, у взрослыхъ—взвинчены нервы, старцы лишились свойственнаго имъ спокойствія и мира душевнаго. Жизнь наложила на всѣхъ свою печать. Вездѣ бурлитъ. Гвезущій душу стонъ до надрыва стоитъ во всей Руси отъ потери вѣры въ Бога и отчаянія, отъ неповиновенія властямъ предержажимъ, Богомъ поставленнымъ,—отъ убійствъ, пожаровъ, грабежей, безчинствъ, прикрываемыхъ именемъ свободы.. Ослабляется, а по мѣстамъ и совсѣмъ прекращается спокойная, уравновѣшенная дѣятельность. Личное наблюденіе и постоянныя вѣсти и слухи о печальныхъ событіяхъ въ землѣ Русской смущаютъ духъ человѣка; онъ разслабляется, опускаются руки. Но если когда, то въ моментъ нахлынувшей бури нужно имѣть спокойствіе и энергію, необходимо работать и работать. Если вы живали у береговъ большой многоводной рѣки, то знаете, что какъ разбушуется рѣка и волны ея будутъ подбрасывать лодку, готовая погрузить ее въ пучину водную, пловцы не должны терять присутствія духа; они должны, напротивъ, усиленно работать, чтобы поборотъ страшную стихію и спасти свою жизнь. Чтобы исполнить свой долгъ—долгъ хрістіанина и русскаго гражданина въ настоящее тревожное время, нуженъ миръ душевный, спокойствіе духа; а оно будетъ тогда, когда въ сердцѣ нашемъ загорится сильная и искренняя вѣра въ Божественный Промыслъ, когда поселится глубокое убѣжденіе, что Вездѣсущій Господь, нашъ Отецъ, царствующій во всемъ мірѣ и направляющій все ко благу, не оставитъ насъ, слабыхъ и немощныхъ, что Онъ руководитъ жизнію каждого изъ насъ, Его созданій, и ни одинъ волосъ съ головы нашей, по словамъ Хріста Спасителя, не упадетъ безъ воли Его. Сами себя и весь животъ нашъ Хрісту Богу предадимъ,—этотъ возгласъ, который мы часто слышимъ за богослуженіемъ, пусть раздастся не въ ухахъ нашихъ только, но дойдетъ до сердца, до самой глубины его и тамъ найдетъ себѣ искренній и положительный откликъ. Да будетъ воля Твоя,—слова Господней молитвы, какъ ласковые, теплые лучи солнца, да согрѣютъ наше существо, разливая въ немъ благодатный миръ и спокойное отношеніе ко всѣмъ невздамъ и радостямъ жизни, укрѣпляя насъ на дѣятельность, наложенную на каждого его званіемъ и положеніемъ. Предать себя

водительству Божію, взойти подъ Его теплыйъ любовный кровъ— въ этомъ главное условіе счастливой жизни.

Считаемъ благовременнымъ для назиданія привести разсказъ объ одномъ монахѣ, который всецѣло подчинилъ свою волю волѣ Божественной и наслаждался великимъ миромъ души, получивъ отъ Бога даже даръ исцѣленій. Многие большыя выздоравливали отъ одного лишь прикосновенія къ его одеждѣ. Всюду онъ встрѣчалъ великое уваженіе къ себѣ. Между тѣмъ братія монастыря не мало дивились тому, что совершается ихъ собратомъ, потому что не замѣчали въ немъ ни особенно выдающихся аскетическихъ подвиговъ, ни строгаго поста, ни усиленныхъ трудовъ, ни иного чего; онъ жилъ какъ всѣ другіе, одного лишь строга держался,— все, что случалось съ нимъ, принималъ охотно и благодарилъ за то Бога; одно отличало его.—онъ всецѣло преданъ былъ волѣ Божіей. Однажды когда монахъ лѣчилъ больныхъ безъ всякихъ врачебныхъ средствъ живущею въ немъ благодатною силою, настоятель обители спросилъ его,—что за причина, что приходящіе къ нему люди получаютъ исцѣленіе?

— Я и самъ удивляюсь тому, что могу возвращать здоровье имъ, отвѣчалъ монахъ. Мнѣ становится стыдно, что моя одежда имѣетъ цѣлительную силу; ибо я ни постомъ, ни иными подвигами монашескими не заслужилъ такого дара у Бога.

— Это истинно такъ, сказалъ настоятель; мы видимъ, что ты человекъ обыкновенный и въ тебѣ нѣтъ того, что бы выдѣляло тебя изъ ряду другихъ. Настоятель рѣшилъ во что бы то ни стало открыть дѣйствительную причину живущаго въ монахѣ дара исцѣленій. Онъ долго бесѣдовалъ съ монахомъ, стараясь узнать всѣ его добрыя качества и раскрыть тайну его сердца. На разспросы настоятеля благодатный инокъ сказалъ: „я вспомнилъ о данной мнѣ отъ Бога милости: я постоянно во всемъ согласую свою волю съ волею Божественной. Никогда ни о чемъ такомъ не мыслю, что противно было бы волѣ Божіей. Никогда не страшусь я приключеній, которыя бы могли поколебать мой умъ и расслабить сердце. Никогда ни на что не жаловался другимъ и не открывалъ печали своей, равно какъ и выпадающіе на мою долю счастливые случаи не услаждаютъ меня до такой степени, чтобы я ради ихъ болѣе веселился, чѣмъ въ прочіе дни моей жизни. Я все принимаю равно, что посылаетъ мнѣ рука Божія,—какъ благополучное, такъ и непріятное для меня, и не молю Бога о томъ, чтобы все сбывалось по моему желанію, по хочу, чтобы во всемъ была Его св. воля. Такимъ образомъ ничто меня особенно не услаждаетъ, ничто не сокрушаетъ и не смущаетъ, ничто не дѣлаетъ меня счастливымъ какъ только одна и таже воля Божественная. Поэтому во всѣхъ моихъ молитвахъ

объ одномъ только прошу Бога, да воля Божественная всегда во мнѣ и во всѣхъ созданіяхъ Его всецѣло да совершается“. Настоятель обители весьма дивился словамъ инока и, обращаясь къ нему, спросилъ его: „любезный братъ! скажи мнѣ, что ты чувствовалъ вчера во время бывшаго у насъ въ обители пожара? Неужели ты вмѣстѣ со всѣми не поскорбѣлъ, когда злой чело-вѣкъ поджегъ наши монастырскія постройки, когда скотскіе хлѣва и гумно, въ которыхъ сгорѣло много пшеницы и скота, все погибло?“

— Не скрою, отче, отвѣчалъ инокъ. Вся эта монастырская потеря не причинила мнѣ ни малѣйшей скорби, потому что я имѣю обыкновеніе за все, и за скорбное и за пріятное, благодарить Бога и спокойно принимать то и другое, и увѣренъ, что случаемъ съ нами бываетъ по волѣ Бога, направляющаго все къ душевной нашей пользѣ. А потому я не забочусь и не думаю о томъ, мало ли или много имѣемъ мы хлѣба и прочаго для нашего пропитанія; ибо твердо увѣренъ, что Богъ можетъ cadaго изъ насъ насытить также однимъ укрухомъ, какъ бы и цѣлымъ хлѣбомъ. И такимъ образомъ я благодушно безъ всякаго смущенія провожу свою жизнь“.

Измумленный словами инока, настоятель еще долго разсуждалъ съ нимъ, стараясь заставить брата яснѣе высказать свой образъ мыслей, свои взгляды, открыть свое душевное настроеніе. Въ числѣ многихъ отвѣтовъ настоятелю смиренный инокъ, между прочимъ, говорилъ: „вседневнымъ приношеніемъ самого себя волѣ Божественной я такъ преуспѣлъ въ покорности ей, что если бы напередъ узналъ, что Богъ непременно предуставилъ послать меня въ преисподнюю, то я ничего бы не сталъ предпринимать противъ этого. Скажу, что если бы возможно мнѣ было перемѣнить это Божіе опредѣленіе однимъ моимъ произношеніемъ Господней молитвы: „Отче нашъ“, истинно говорю, не смѣлъ бы этого сдѣлать; но еще усиленнѣе молился бы Богу, чтобы Онъ сотворилъ со мною согласно Его всесвятѣйшей и всеправеднѣйшей волѣ и даровалъ бы Свою благодать, могущую укрѣпить меня на вѣки вѣчныя не думать даже ни о чемъ, противномъ Его св. волѣ“.

Игуменъ ужаснулся и какъ бы окаменѣлъ, услышавъ такія слова. Послѣ продолжительнаго молчанія онъ сказалъ наконецъ инокѣ: — „иди, возлюбленный, иди, отче, и прилежно исполняй высказанное тобою мнѣ твое обѣщаніе Богу: ты нашелъ небо внѣ неба и пойми, что такая благодать не многимъ даруется отъ Бога, не много найдется такихъ, которыхъ бы никто не могъ растревожить или оскорбить. Тотъ огражденъ въ жизни своей крѣпкими и неприступными стѣнами, кто всегда и во всемъ, что ни встрѣчается съ нимъ въ жизни, согласуется съ волею Божіею,

т. е. принимаетъ все, какъ посланное ему Богомъ“! (Илюотроніонъ или сообразованіе воли человѣческой съ Божественною волею. Митр. Іоанна Максимовича. Кіевъ 1896 г. кн. 3, отд. 2, стр. 157—160).

Н. Сльдниковъ.

Можетъ-ли социализмъ привести людей къ счастью?

(Окончаніе).

Социализмъ не союзъ хочетъ устроить съ христіанствомъ, а выѣтѣснить его, замѣнить собою, хочетъ преобразовать міръ по своимъ законамъ, обѣщая людямъ на землѣ царство небесное и отрицая его существованіе за гробомъ. Что это, дѣйствительно, такъ, послушаемъ что говорятъ сами социалисты. Вотъ что говорятъ они въ своихъ пѣсняхъ и стихахъ, при помощи которыхъ стремятся распространить свое ученіе:

„Я не буду взывать къ небесамъ,
Слезы лить и молить съ малодушными,—
Свою долю я выкуплю самъ
Трудовыми руками послушными“.

Въ „Новыхъ пѣсняхъ“ читаемъ:

„Молитесь вы, рабы, трусливые душой,
Съ наивной вѣрою предъ Божествомъ глухимъ.
Мы—дѣти новыхъ дней; позорною мольбою
Мы нашей гордости во вѣкъ не оскорбимъ“.

Любимый социалистами поэтъ—еврей Гейне въ своей „Зимней сказкѣ“ пишетъ:

„Лѣнивому брюху мы ѣсть не дадимъ.
Что добыли дѣльные руки,
И царство небесное здѣсь создадимъ
Себѣ мы безъ слезъ и безъ муки“.

Вмѣстѣ съ призывомъ къ труду социализмъ призываетъ своихъ послѣдователей и къ кровавой борьбѣ. Особенно же социалисты вооружаются:

„На воровъ, на собакъ—на богатыхъ;
Бей—губи ихъ—злодѣевъ проклятыхъ“.

Это-ли христіанское ученіе?! А что выйдетъ изъ этой борьбы „пѣснь рабочихъ“ говорить такъ:

„И взойдетъ за кровавой зарею
Солнце правды и братство людей“.

Вотъ упованіе и мечты социалистовъ. Но насколько быточны эти мечты? Насколько достижимо на землѣ такое „небесное царство? Какъ видно, это царство небесное на землѣ социалисты полагаютъ въ земныхъ благахъ и удовольствіяхъ. Когда эти блага отняты будутъ у богачей и распределены между всѣми, „послѣ

кровавой зари“ воцарится равенство и братство между людьми и настанетъ всеобщее счастье.—Такъ-ли это? Возможно ли?..

Ученіе о томъ, что счастье человѣка заключается въ земныхъ благахъ и удовольствіяхъ — не новое. Оно извѣстно было еще задолго до явленія въ мірѣ Спасителя. Когда люди утратили вѣру въ истиннаго Бога, въ загробную жизнь, въ вѣчное воздаяніе, имъ ничего не оставалось, какъ прилѣпиться къ благамъ міра сего и въ нихъ искать счастья. Были языческіе ученые и философы, которые говорили: „да ямы и пѣмъ, утрѣ бо умремъ“. Среди невѣрующихъ іудеевъ были саддукеи, которые думали такъ же. Но ложность этого счастья со всею ясностію показалъ еще Богопросвѣщенный ветхозавѣтный мудрецъ царь Соломонъ. Онъ написалъ объ этомъ цѣлую книгу *Екклесіастъ*. Въ этой книгѣ онъ говоритъ про себя, что, какъ и многіе другіе, онъ тоже сначала думалъ найти счастье въ богатствѣ. Вотъ онъ скопилъ множество богатства, завелъ небывалую роскошь въ своемъ дворцѣ, но въ этомъ не нашелъ счастья. И чрезъ золото текутъ горькія слезы,—вотъ голосъ народной мудрости, истину которой собственнымъ опытомъ позналъ и мудрѣйшій изъ царей Израиля. Часто счастье бѣжитъ изъ богатыхъ чертоговъ, и скрывается въ убогой хижинѣ.

Потомъ, говоритъ Соломонъ, я искалъ счастья въ земныхъ удовольствіяхъ. Кому не хочется сытно поѣсть, сладко попить, мягко поспать? Вотъ современные мудрецы потому главнымъ образомъ и завидуютъ богатымъ и ненавидятъ ихъ, что тѣ въ избыткѣ пользуются всѣми земными удовольствіями, ни въ чемъ себѣ не отказывая, а они, бѣдные, часто не имѣютъ и насущнаго хлѣба, живутъ въ скудости и нищетѣ. Но мудрый царь Соломонъ, испытавшій всѣ удовольствія, ясно доказываетъ, что удовольствія не даютъ человѣку счастья, а одно только пресыщеніе плоти. Они питаютъ одно тѣло, пища же душѣ не даютъ и душа погибаетъ отъ глада. А потому тщетно упованье, что при обладаніи богатствомъ и земными благами настанетъ для всѣхъ счастье. Трудно также допустить, чтобы со всеобщимъ распредѣленіемъ земныхъ благъ, воцарились среди людей равенство, братство и свобода.—И деревья въ лѣсу Господь не равняетъ, звѣзды на небѣ не одинаковы; какъ же насильно можно уравнивать людей? Хилый и здоровый, усердный и лѣнливый, даровитый и бездарный, ученый и неученый, — какъ ихъ всѣхъ уравниешь? Положимъ, социалисты поровну распредѣлили бы между всѣми блага жизни. Но одинъ трудится и богатѣетъ, а другой лѣнится и опять бѣднѣетъ. Какъ-же ихъ снова уравнивать? Противорѣчатъ сами себѣ социалисты когда поютъ:

„Лѣнивому брюху мы ѣсть не дадимъ,
Что добыли дѣльные руки“...

Гдѣ же тутъ равенство? Одинъ изъ вождей социализма (Гэдъ) откровенно пишетъ: „всякій, не подчиняющійся постановленіямъ большинства, долженъ быть изгнанъ изъ общества“. Куда же? Въдѣ опять выйдетъ неравенство. Опять будутъ имущіе и неимущіе, богатые и бѣдные, сильные и слабые...

Какъ не достижимо въ социализмѣ равенство, такъ же немыслимы въ немъ ни братство, ни свобода. Ни того, ни другого насиліемъ, завистью и ненавистью, достигъ нельзя. Не желѣзомъ и кровію, а миромъ и любовію можетъ быть соединено человѣчество въ братскій союзъ. Общеніе же, основанное на насиліи и принужденіи, скоро разрушится, погибнетъ среди распрей и раздоровъ. Поднявшій мечъ мечемъ и погибнетъ. Напрасно социалисты утверждаютъ, будто ихъ насиліе будетъ только временною мѣрою, пока они отнимутъ у богатыхъ и раздѣлятъ по ровну всѣ жизненныя блага, пока побѣдятъ враговъ своихъ. Потомъ же, говорятъ они, настанетъ свобода и справедливость. Плохо вѣрятъ этому и сами социалисты. Нѣкоторые изъ нихъ откровенно сознаются (например—Менгеръ), что трудовое государство будущаго не выпуститъ меча изъ рукъ; оно принуждено будетъ не только начинать мечомъ свою жизнь, но и продолжать ее. Стало быть: одни будутъ съ мечемъ въ рукахъ повелѣвать а другіе—подчиняться имъ, работать на нихъ: какое же тутъ равенство? Что это за братство? Это ужъ не братство а рабство!

Наконецъ, какая же свобода можетъ быть въ социализмѣ? Гдѣ свобода, когда у человѣка не будетъ никакой собственности, когда въ пищѣ, въ одеждѣ и жилищѣ онъ долженъ будетъ довольствоваться тѣмъ, что ему дадутъ; ибо у всѣхъ должно быть все общее. Дѣлать онъ будетъ то, что укажутъ, а жить станетъ такъ, какъ прикажутъ. „Кто не слушается—вонъ“. Да и кого слушаться? Того, кто хитрѣе, кто сѣмъветъ въ свои руки власть захватить? Видите, опять безъ власти дѣло не обходится. Только власть-то будетъ не Богомъ поставленная, а самозванная. Понятно, что здѣсь ужъ не свобода, а истинная могила свободы. Что значить это мертвое равенство, къ которому такъ стремятся социалисты? Такъ равны камни въ стѣпѣ, да мертвые на кладбищѣ.

Въ своемъ ученіи о свободѣ социализмъ дошелъ до такихъ пошлостей, что отъ него неволью отвращается человѣческое сердце. Сношенія половъ, говоритъ онъ, также будутъ свободны. Супружеская вѣрность и цѣломудріе устраняются. Матери не будутъ воспитывать своихъ дѣтей не будутъ заботиться о домѣ и хозяйствѣ. Кто же все это за нихъ будетъ дѣлать? Невольницы?.. Но тогда опять — гдѣ же равенство? — Въ заботахъ о приростѣ населенія правительство будущаго, говорятъ социалисты, позаботится о хорошей породѣ людей. Правила для образованія такой

породы, вѣроятно, будутъ заимствоваться изъ заводскихъ конюшенъ, и люди, какъ лошади, какъ скотъ, будутъ пускаться въ племя... Вотъ оно новое людское счастье, къ какому зовутъ насъ социалисты! Избави Богъ отъ такого счастья!

Итакъ, увѣреніе социалистовъ, что

„Царство небесное здѣсь создадимъ

Себѣ мы безъ слезъ и безъ муки“...

есть праздная неисполнимая мечта. Земля—наша бѣдная планета, по выраженію того-же мудреца Соломона, есть для насъ мѣсто изгнанія, страна чужая, юдоль плача и скорби. Никакія усилія человѣка не въ состояніи осушить слезъ человѣческихъ и превратить землю въ обитель свѣта и счастья. Жизнь человѣческая всегда будетъ начинаться рожденіемъ и оканчиваться смертію. Рожденіе и смерть всегда будутъ сопровождаться слезами, спутниками скорбей и страданій. Никогда не исчезнутъ съ лица земли тяжкіе недуги и болѣзни, эти жестокіе враги нашего земнаго благополучія. Всегда люди будутъ страдать отъ жары и стужи, безведрія и засухи, голода и мора, бурь и урагановъ, наводненій и землетрясеній. И полного счастья для человѣка на землѣ нѣтъ, а оно возможно только тамъ, за гробомъ, на небѣ, у Бога. Земля же, какъ была, такъ и останется, мѣстомъ временнаго пребыванія для человѣка, мѣстомъ подготовленія его къ жизни будущей, къ достиженію царства небеснаго. Поэтому неразумно пристращаться человѣку къ земнымъ благамъ и въ достиженіи ихъ полагать цѣль жизни. Наболѣе счастливый изъ людей не тотъ, кто имѣетъ все лучшее, а тотъ, кто самъ наилучшій, — богатъ не тотъ, кто владѣетъ земными сокровищами, а тотъ, кто обладаетъ душевнымъ миромъ и спокойствіемъ, — высшій изъ людей не тотъ, кто превознесенъ въ земномъ положеніи, а тотъ, кто высокъ смиреніемъ и великъ добродѣтелію, а самый счастливый — тотъ, у кого совѣсть предъ Богомъ и людьми чиста!

Убѣдись-же, хрістіанинъ, что твое земное благополучіе не въ обладаніи благами міра сего, которыя измѣнчивы и непостоянны. Помни, что ты — сынъ вѣчности. Поэтому, не прилѣпляйся къ временнымъ благамъ, а стремись къ достиженію царствія Божія, которое не есть брашно и питіе, а правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ (Римл. 14, 17). Душа твоя — самое драгоцѣнное сокровище въ очахъ Божіихъ, высшее всѣхъ сокровищъ міра, — въ ней ищи своего счастья. Все же необходимое для твоей жизни, по неложному слову Спасителя, тебѣ дано будетъ всеблагимъ и премудрымъ Промысломъ Божіимъ. „Лици прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложится тебѣ“. (Мѡ. 6. 33) ¹⁾.

С. Н. К.

¹⁾ Настоящая статья составлена по книгѣ Протоіерея І. І. Восторгова „Хрістіанство и Соціализмъ“. Москва 1906 г.

ДУХОВНЫЯ ОЧИ.

(Изъ бесѣдъ со старцами).

(Окончаніе).

Дуть былъ неблизкій, а петербургскіе извозчики—народъ разговорчивый: прокативъ меня одинъ небольшой перегонъ доброй рысью, мой возница пустилъ свою лошадь легонькой трусцою и, въ сознаниі оказанной мнѣ услуги, обернувшись ко мнѣ въ поль-оборота онъ повелъ со мной бесѣду.

— „Дивныя дѣла творятся на свѣтъ, господинъ! Слышь, господа, сказываютъ, Бога отмѣнили: нѣтъ, молъ, ни души у чловѣка, ни Бога никакого нѣтъ, а всему дѣлу выходить, по ихнему, голова—обезьяна. Отъ обезьяны, значить, и родъ чловѣчскій весь пошелъ... Диковинное дѣло: жили, жили люди, все въ Бога вѣрили, а напоследокъ выходить: ни Бога нѣтъ, ни души нѣтъ. Надьсь, вотъ, не хуже тебя, барина, возиль—видать что изъ ученыхъ: ужъ онъ мнѣ толковалъ, толковалъ объ этомъ, объ самомъ. Складно у него все это выходило,—нехотя поймешь и повѣришь; и вышло, что были мы всѣ—дураки простоволосые: на какое-то тамъ царство небесное располагались а земное проворонили,—по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Какое тамъ царство небесное, коли и Бога-то никакого нѣтъ, а душа—парь, все равно что въ машинѣ?“

— „Такъ тебя этому-то твой баринъ обучалъ?“—спросилъ я извозчика съ негодованіемъ.

— „А ты-то самъ развѣ по-иному что-ли думаешь? на вопросъ мой отвѣтилъ онъ вопросомъ.“

— „Какъ я думаю, о томъ мы съ тобой потомъ, если хочешь, поговоримъ; а ты мнѣ на мой-то вопросъ отвѣтъ“, сказалъ я извозчику.

— „Что-жъ тутъ отвѣчать? Вѣстимо—нѣтъ Бога: кто Его когда видѣлъ?.. Я, вотъ, не видѣлъ, ты не видѣлъ. Кого ни поспрашаешь,—никто не видалъ: а чего не видали, значить, того, стало быть, и нѣтъ“.

— „Эхъ, ты какой! а Америку ты видѣлъ?... Нѣтъ?... стало быть, по твоему, и Америки нѣтъ?“

— „Я-то хоть не видалъ, а слышать только слыхалъ, да за то ее другіе видѣли“.

— „Ну, другіе видѣли, а ты имъ такъ и повѣрилъ?“

— „Какъ же не вѣрить, когда люди видѣли?“

— „Да, вонъ, о ней и въ книгахъ пишуть,—мы, вѣдь, тоже грамотные: ну, значить, и есть эта самая Америка“.

— „Такъ-то, вотъ, другъ милый“, сказала я: „и Бога люди видѣли и тоже и о Немъ въ книгахъ пишутъ. Стало быть, если разсуждать по-твоему, и по-твоему должно выходить, что Богъ есть“.

— „Какіе-жъ это люди Бога видовали?“

— „А Божьи Угодники—Преподобные. Они и Господа Иисуса Христа видѣли, и Матерь Божію, и другихъ святыхъ Божіихъ. А что видѣли, о томъ какъ они сами, или съ ихъ словъ, и писали“.

— „Ну, ужъ этому, баринъ, трудно что-то вѣрится: Америку тамъ твою, разъ она на землѣ, нетрудно видѣть,—поѣхалъ туда, на чугункѣ что ли, али на пароходѣ, вотъ и увидаль. А Богъ-то, развѣ къ Нему доѣдешь, чтобы на Него поглядѣть?“

— „Зачѣмъ же къ Нему ѣхать, когда Онъ вездѣ?“

— „Вездѣ?... Отчего-жъ ни ты, ни я, ни иные прочіе, кого я ни спрашиваль, Его не видали?“

— „Оттого, что не тѣми глазами смотрѣли“.

Эти слова мои такъ озадачили моего собесѣдника, что онъ попридержалъ лошадь и, пустивши ее шагомъ, обернулся ко мнѣ уже почти всѣмъ корпусомъ....

— „Глазами не тѣми?“—озадаченно и вмѣстѣ недовѣрчиво, съ полунасмѣшкой, переспросилъ онъ меня: „ну, ужъ это ты, баринъ, тово!...“

— ...Какими же еще глазами смотрѣть-то?“

— „Ты, братъ, не дивись тому“, отвѣтилъ ему я: „у человѣка есть и другіе глаза, кромѣ тѣхъ, которыми ты, вотъ, сейчасъ на меня смотришь: эти глаза плотскіе, а то есть глаза—духовные,—ими-то только, если Богу угодно, и можно какъ Его, такъ и Его святыхъ видѣть, да не въ мечтаніи, а истинно въ явѣ“.

Извозчикъ при этихъ словахъ повернулся ко мнѣ спиной и, ударивъ вожжей, далъ ходу своей лошади: видно, глубокой слѣдъ оставили въ его сердцѣ рѣчи того барина, который такъ старательно его раньше меня убѣждалъ, что Бога нѣтъ. Но, должно быть, и мое замѣчаніе работало въ его душѣ, потому что, проѣхавъ улицу, онъ опять сталъ придерживать лошадь и вновь заговорилъ со мной, но уже безъ насмѣшки въ голосъ:

— „Задалъ ты мнѣ задачу, баринъ!... Глаза какіе-то тамъ другіе нашель у человѣка, какихъ нѣтъ. Какіе, такіе глаза? Неужто—жъ человѣкъ, выходитъ по твоему, четырехъ-глазый?“

— „А ты думаль—двуглазый? Конечно, четырехглазый, но и четырехухий“.

— „Ну, это ты, баринъ, похоже—съ ума что-ль свихнулся: зачитался, видно—это съ вашимъ братомъ бываетъ“.

— „Твое дѣло: хочешь слушать, слушай; а не хочешь,—я къ тебѣ не навязываюсь“.

Очевидно, мои слова задѣли за живое любопытство моего совопросника: онъ повернулся ко мнѣ и, пристально взглянувъ на меня, насколько позволяя ему меня видѣть свѣтъ уличныхъ газовыхъ фонарей, уже съ явнымъ интересомъ сказалъ:

— „Ну, и чудной ты, баринъ—такихъ я, признаться, еще и не видывалъ.... Сказывай: какъ это, по твоему, съ двумя глазами да съ двумя ушами люди бываютъ четырехглазые да четырехушїе. Сказывай, а мы послушаемъ!“

— „А, вотъ, какъ!“—повелъ я ему свою рѣчь: „Ты теперь, какъ меня свезешь въ 12-ю Липію, куда поѣдешь?“

— „Домой“.

— „А, домъ твой гдѣ?“

— „На извозничьемъ дворѣ: гдѣ жъ еще дому-то быть?“

— „А еще у тебя домъ на родинѣ есть?“

— „Извѣстно, есть: мы тоже—при всемъ хозяйствѣ жители, не какіе-нибудь бездомники“.

— „Стало быть, и жена у тебя есть, и дѣти—на родинѣ-то?“

— „Какъ не быть? сказалъ тебѣ: живемъ при всемъ хозяйствѣ“.

— „Ну, теперь слушай: вотъ свезешь ты меня теперь ко мнѣ на квартиру, поѣдешь къ себѣ на извозчицїй дворъ, отпряжешь лошадь, задашь ей корму, самъ поужинаешь и завалишься спать.... А кругомъ тебя все извозчики, и всѣ спятъ, храпятъ; и воздухъ, небось, тяжкій?“

— „Ну, извѣстно: какому же и воздуху быть тамъ, гдѣ люди спятъ, особливо, нашъ братъ извозчикъ? Топоръ повиснетъ“.

— „Такъ. Вотъ, слушай дальше: легъ ты спать; ни о чемъ ты теперь не думаешь, развѣ только о томъ, сколько за день денегъ наѣзидилъ, да сыта-ли будетъ лошадь. А то и вовсе ни о чемъ не думаешь, только бы заснуть поскорѣе, день-то намаяв-шись. Стало быть, заснулъ ты. ...И, вотъ, диво!—легъ ты спать на извозничьемъ дворѣ, а вдругъ, заснувши, видишь, что ты у себя на родинѣ, въ деревнѣ. Видишь ты свою бабу, ребятишекъ, тамъ, своихъ видишь. Мало того—заводишь съ бабой своей разговоръ о томъ, о семъ, что, значить, до вашей деревенской жизни касается. И баба твоя тоже съ тобой говорить, и ты все, что она тебѣ сказываетъ, слышишь.... Тамъ, глядишь, корова твоя съ поля пришла, замычала, и ее ты слышишь и видишь.... Маль-ченка твой маленькій, глядишь, объ земь ударился, заплакалъ; и все это ты видишь и слышишь.... Бывало это съ тобой такъ-то?“

— „Чудной ты, баринъ, право: ну, какъ же не бывать? бывало“.

— „Ну, а если бывало, то ты теперь долженъ знать, какъ такъ бываютъ и люди о четырехъ глазахъ и о четырехъ ушахъ“.

— „Какъ такъ? Это мнѣ что-то невдомекъ!“

— „Да, очень просто: вѣдь, самъ же говоришь что видалъ и слыхалъ и бабу свою, и мальченку, и корову, пока самъ-то ты былъ на извозничьемъ дворѣ, а тѣ—въ деревнѣ. Сказывай: видѣлъ и слышалъ, вѣдь?“

— „Видѣть видѣлъ и слышать слышалъ. Да, вѣдь, то—во снѣ“.

— „А, ты мнѣ не вилай про сонъ: то-то и еще чуднѣе, что сонъ:—во снѣ-то у тебя, небось глаза закрыты, али нѣтъ?“

— „Извѣстно, закрыты“.

— „Какими же ты глазами видѣлъ?“

— „Какъ, какими?“

— „Ну, да,—какими?“

— „Извѣстно, своими“.

— „Да, вѣдь, они у тебя были закрыты?“

— „Извѣстно, закрыты“.

— „А видѣлъ?“

— „Видѣлъ“.

— „И слышать слышалъ?“

— „И слышать слышалъ“.

— „Ну, такъ, понялъ ты теперь, что у человѣка есть и другіе глаза, и другіе уши, которыми онъ такъ же можетъ и видѣть и слышать, но только не всегда, а когда находится въ особомъ состояніи, какое у плотскихъ людей, т. е. преданныхъ жизни плоти, а не духа, бываетъ только во снѣ“.

— „Чудеса! а, вѣдь, правда! Диковинный ты человѣкъ, баринъ: эко слово загнулъ!.. А, вѣдь, истинная правда... Такъ, по твоему, выходитъ, значить, что у тѣхъ, кто по истинѣ духовной жизнью живутъ, какъ въ старину, сказываютъ, Божьи Угодники жили у тѣхъ-то, вторые глаза и на Бога могутъ быть открыты, и могутъ, стало быть, они и Его видѣть и другихъ Святыхъ, и все небесное?“

— „А, то, какъ бы ты думалъ?... Вотъ, къ тому-то я и рѣчь свою велъ. Ты, вотъ, простой человѣкъ, плотяный, и вся думка твоя такая же плотяная и простая,—все объ одномъ: о хозяйствѣ, о бабѣ, о прибыткѣ да о хлѣбѣ насущномъ. Каковы твои думки, такова и жизнь твоя, по жизни твоей—и видѣнія тѣми-то твоими глазами, которые видятъ только тогда, когда твои другіе глаза закрыты. А, вотъ, Угодники Божіи, которые всю свою жизнь посвящали, да и теперь еще тайно отъ людей посвящаютъ Богу, о Немъ только Однимъ и думаютъ, да о томъ, какъ бы Ему лучше молиться да угодить, они-то вотъ, и удостоивались отъ Него великой милости, великаго дара духовными, вторыми-то высшими очами, видѣть и Его, и Пречистую Дѣву Богоро-

дицу, и себѣ подобныхъ Угодниковъ, прежде отшедшихъ ко Господу въ селенія Его вѣчной славы. Да, замѣть: не въ сонномъ видѣннѣи, а истинно въявѣ, лицомъ къ лицу;—это тогда, когда нисходила на нихъ благодать Господня за ихъ труды праведные и отверзала имъ тѣ очи, которыя у меня, у тебя да у всѣхъ насъ, простыхъ, плотяныхъ людей, отверзаются только для сонныхъ видѣннѣи. Вотъ, эти-то Угодники Божіи, праведно всю свою жизнь прожившіе, ни разу въ жизни ни себѣ, ни людямъ, ни Богу не солгавшіе, они-то, все это видѣвъ, намъ для укрѣпленія вѣры и передали. Они передали, а вѣрующіе хрістіане православные, зная, что въ устахъ ихъ не было лжи, а только одна святая правда, имъ всѣмъ сердцемъ своимъ и повѣрили, зная, что если и сами поведутъ подобную имъ праведную и Богоугодную жизнь, то тѣхъ же небесныхъ видѣннѣи удостоятся... И, вотъ, другъ ты мой милый, не выдавъ Америки, мы вѣримъ тѣмъ людямъ, которые ее видѣли и описали, что она есть; а, вѣдь, тѣ люди-то, бываетъ, и жизни-то были плохой, неправедной и лживой; а, вѣдь, повѣрили!... Ну, какъ же, скажи, не вѣрять намъ тѣмъ, которые всею своею жизнью удостовѣрили истинную свою святость? ...Понялъ ли ты теперь, другъ, мои рѣчи?“

Надо было слышать голосъ моего собесѣдника, которымъ въ отвѣтъ на мой вопросъ онъ мнѣ сказалъ:

— „Ну, баринъ! теперь кажись, на всю мою жизнь ты мнѣ задалъ задачу. И понялъ я, и еще какъ будто и не понялъ; только вижу я, что рѣчи твои похожи на правду, и правда твоя вотъ какъ меня согрѣла: спасибо тебѣ на рѣчахъ твоихъ, милыхъ!“

— Тутъ ужь и 12-я Линія была близка.... Когда пришло время мнѣ расплачиваться за ѣзду, то я насилу уговорилъ моего собесѣдника взять съ меня договоренный полтинникъ. Больше я его уже не встрѣчалъ; но думается мнѣ, ночной его съ бариномъ разговоръ о четырехъ глазахъ и о четырехъ ушахъ у него сохранился въ памяти. Ну, а что для него изъ этого разговора вышло, мы узнаемъ только на томъ свѣтѣ“.

Вотъ что, читатель мой дорогой, слышалъ я отъ одного изъ старцевъ святой Оптиной пустыни. А что слышалъ, то и записалъ во славу Божію и на пользу добрымъ людямъ. Ну, а что изъ моего писанія выйдетъ, мы только на томъ свѣтѣ узнаемъ.

Сергій Нилусъ.

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

На духовно-нравственномъ чтеніи.

Около 6 часовъ вечера въ Воскресенье (17 Сентября) къ дому Вологодскаго Спасскаго Братства (на Арханг. улицѣ) съ разныхъ сторонъ стекался народъ. Въ крыльцѣ стояла группа маленькихъ ребятокъ, которыхъ не впускали въ домъ на чтеніе подѣ предлогомъ, что они мѣшать будутъ. Жалко ихъ, потому что дѣти могли бы получить на чтеніи немалую пользу. Въ залѣ всѣ скамьи были заняты. Взади зала густою толпою стояли мужчины. На чтеніе собралось народу очень много; виднѣлись и интеллигентныя лица, но больше тѣхъ, ради которыхъ собственно и устраиваются чтенія, т. е. людей трудового класса, жаждущихъ провести воскресный вечеръ съ пользою для души своей, поразвлечься отъ обычной суеты, чрезъ слушаніе правоучительныхъ разказовъ. Пѣвчіе пропѣли: „Царю небесный“... и потное: „Днесь Владыка твари“... Чтеніе было о Преп. Сергій Радонежскомъ и всея Россіи Чудотворцѣ. Искусный лекторъ весьма выразительно читалъ о смиренномъ, кроткомъ, незлобивомъ Троицкомъ Игуменѣ Сергій, въ простотѣ сердца научавшемъ иноковъ словомъ и собственнымъ примѣромъ святой христіанской жизни, труду и подвигу. Предъ слушателями рисовалась картина необыкновенной кротости Преподобнаго: ею онъ приручилъ лѣсныхъ животныхъ, отъ маленькаго зайчика до огромнаго медвѣдя, котораго онъ кормилъ изъ рукъ своихъ. Далѣе слѣдвали картины нищеты Преподобнаго и его обители. Случалось, что здѣсь не было муки для просфоръ, вина для проскомидіи, такъ что иногда даже оставлялось служеніе литургіи. Случалось, что не было ни одной восковой свѣчи, такъ что молитва въ храмѣ происходила при свѣтѣ трескучей лучины. Но внѣшній блескъ здѣсь замѣнялся пламенемъ сердечныхъ воздыханій Угодника Божія. Случалось, что въ обители не находилось ни куска хлѣба; Преподобный ласково тогда утѣшалъ унылыхъ иноковъ надеждою на помощь Божію; и вдругъ совершенно неожиданно, прямо чудомъ, являлась обильная пища для братіи отъ добрыхъ людей—благодѣтелей обители. А вотъ примѣръ простоты Угодника. Преп. Игуменъ самъ носить для монастырскихъ потребъ въ ведрахъ воду изъ далекой отъ монастыря рѣчки. Впослѣдствіи, по его молитвѣ около обители изъ земли является ключъ съ чистой холодной водой, и доселѣ напаяющій всѣхъ насельниковъ Троицкой лавры. Передается трогательный разказъ, свидѣтельствующій о великомъ смиреніи и терпѣніи Угодника Божія,—какъ онъ нѣсколько времени голодалъ, не имѣя ни куска хлѣба, какъ ради гнилыхъ кусковъ наваялся къ иноку Даніилу строить сѣни къ его келліи и напиралъ свое тѣло этими кусками послѣ цѣлодневнаго усиленнаго труда... За нимъ идетъ еще разказъ о простолуднѣ,

который, наслушавшись о Св. Сергіи, пришелъ повидать его и никакъ не хотѣлъ признать великаго человѣка Божія то въ старцѣ, работающемъ согнувшись въ огородѣ, то въ смиренномъ иноцѣ, не отличающимся отъ другихъ по внѣшности ничѣмъ, кромѣ своего убожества.

Русскій человѣкъ сильно любитъ Преп. Сергія, который такъ сроденъ и близокъ его душѣ. Поэтому чтеніе производило глубокое впечатлѣніе на сердца присутствовавшихъ, живо интересовавшихся содержаниемъ читаемаго. Въ толпѣ слышались сердечные вздохи, вырывавшіеся изъ груди благочестивыхъ людей. При царящей въ залѣ темнотѣ нельзя было замѣтить, но вѣрится, что ни одна чистая слеза скатилась изъ глазъ женщинъ при чтеніи рассказовъ о смиреніи и трудолюбіи Преподобнаго. По временамъ напр., при описаніи, какъ поселянинъ не хотѣлъ въ простомъ старцѣ, стоявшемъ предъ нимъ въ разодранной одеждѣ, признать великаго Игумена, изъ груди нѣкоторыхъ вырвался сдержанный смѣхъ. Всѣ были полны вниманія и интереса, жили воспоминаніями о Св. Сергіи.

Въ концѣ чтенія появился на экранѣ образъ Преподобнаго. Кроткія, добрыя, въ самое сердце смотрящія глаза, невольно приковывали къ изображенію вниманіе всѣхъ; душа такъ и рвалась получить благословеніе чрезъ именованіе, которое такъ ясно выдѣлялось на образѣ Преподобнаго. Стоявшіе около меня мужчины перекрестились три раза, съ молитвеннымъ чувствомъ смотря на изображеніе на экранѣ.

Всѣ присутствовавшіе затѣмъ цѣли „Достойно есть“... и молились предъ иконою, висящею въ переднемъ углу залы. На эстраду вошелъ Преосвященный Владыка Никонъ и трижды благословилъ собравшихся, прогнѣвшихъ Преосвященному „исполла эти деспота“. Преосвященный сталъ говорить. Мгновенно установилась глубокая тишина. Вотъ нѣкоторыя мысли рѣчи Владыки.

Вы слышали о трудовой жизни Преп. Сергія Радонежскаго. Великій онъ былъ труженикъ, какъ и всѣ другіе святые Божіи. Трудись и молись, молись и трудись, вотъ наставленіе, которое они помнили во всѣ часы своей жизни. Трудъ благословенъ Богомъ. Первые люди должны были и въ раю трудиться,—воздѣлывать и хранить его. Послѣ грѣхопаденія Господь сказалъ праотцу нашему: въ потѣ лица своего съѣси хлѣбъ свой.

Но не всякій трудъ благословенъ Богомъ. Неблагословенъ трудъ, предпринимаемый единственно съ корыстною цѣлью, когда дѣлается все для себя и ничего для Бога и людей. Господь вѣнчаетъ успѣхомъ труды несвоекорыстныхъ людей. Припоминается мнѣ одинъ человѣкъ. Еще въ дѣтствѣ онъ приучилъ себя отдѣлять часть того, что получалъ, для другихъ,—для бѣдныхъ. Дадутъ ему на гостинецъ гривенникъ, а онъ изъ этихъ денегъ копѣйку на свѣчку Богу подастъ или нищему вручитъ. Выучился онъ. Сталъ добрымъ семьяниномъ. Трудился, но не забывалъ помогать отъ трудовъ праведныхъ сиротамъ, несчастнымъ, десятую

часть выдѣлялъ имъ изъ пріобрѣтеній своихъ. Бывало, жена задумаетъ въ театръ идти, а добрякъ и скажетъ ей: „не отдать ли этихъ денегъ, что потратятся на наше удовольствіе, сироткамъ бѣднымъ, у которыхъ можетъ быть и насущнаго хлѣба не хватаетъ и теплаго крова вѣтъ“. И по общему соглашенію супруги помогаютъ деньгами нуждающимся. Счастливо, хорошо жило это семейство! И вотъ что удивительно,—корыстолюбивый человѣкъ иногда трудится, трудится, изъ силъ выбивается, а толку нѣтъ; не находитъ онъ счастья и мира въ душѣ. А труженикъ, бѣдныхъ не забывающій, щедро имъ помогающій, живетъ хорошо,—все у него спорится, все есть. Богъ видимо помогаетъ имъ.

Чтобы закончить бесѣду о трудѣ, я вспомяну о праздничномъ днѣ. Праздники—Божьи дни, они должны быть посвящаемы на служеніе Богу. Утромъ хрістіане православные должны помолиться за богослуженіемъ въ храмѣ, почитать слова Божія, послушать душеспасительные разсказы, вотъ какъ вы сейчасъ, больныхъ навѣститъ, утѣшить, сироткамъ, бѣднякамъ радость доставить своею помощью. Не грѣховенъ и трудъ въ праздники, если онъ совершается не для себя, а ради Бога, для другихъ, для тѣхъ, кто нуждается въ пособіи и стороннемъ трудѣ. Кто думаетъ, что въ праздники надо отдаться только полному покою и бездѣйствію, тотъ разсуждаетъ по-еврейски: у евреевъ существуетъ подобный законъ о празднованіи субботы. Нѣтъ, по-хрістіански не такъ. Для блага ближняго, для счастья бѣдняка можешь потрудиться и въ праздникъ. Въ деревнѣ, напр., твой сосѣдь боленъ, прикованъ къ постели, а у него не вспахана полоса, время уходитъ; пойдти ты, вспаши его полюсу; вѣрь хотя и въ праздникъ это сдѣлаешь, ты добро сдѣлаешь. Богъ приметъ этотъ трудъ, какъ свѣчу чудовую. Помните, что Богъ труды любитъ и за нихъ награждаетъ. Богъ васъ благословитъ, заключилъ Владыка свою простую отеческую рѣчь. На благословеніе святительское слушатели отвѣчали пѣніемъ: „исполнила эти деснота“.

Все проходило такъ просто, задушевно. Кончилъ рѣчь Владыка, народъ сталъ пробираться къ нему за благословеніемъ, одинъ за другимъ тянулись къ нему присутствовавшіе на чтеніи. Съ любовью благословлялъ всѣхъ Преосвященный. Вѣяло патриархальною простотою, какой такъ жаждетъ наше сердце.

Случайный посылитель.

.....

СОДЕРЖАНИЕ. Да будетъ во всемъ воля Божія! *И. Сладковъ*.—Можетъ ли социализмъ привести людей къ счастью? *С. Н. К.*—Духовныя очи. (Изъ бесѣдъ со старцами). *С. Пилуца*. Вологодская летопись. На духовно-нравственномъ чтеніи. *Случайнаго посылителя*.

Прилагается къ Вѣст. Еп. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО**.

Цензоръ Протоіерей *И. Якубовъ*

Редакторъ *И. Суворовъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры